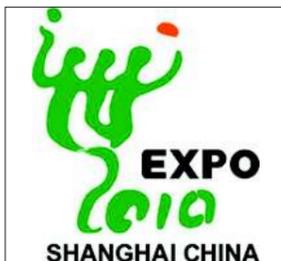

мнение

Татьяна Воеводина
**ЭКСПО-2010:
Старушачий маразм
современной
цивилизации**

стр 2

государство

Надежда Никитская
**Замещающая
миграция**

стр 6

Точка ру

№8
(44)
2010

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

анализ ситуации

Гражданкин А.И.

Безопасность угледобычи

Ответы на вопросы Интерфакса 02-23 июня 2010 г.

Вопрос 1: как менялся в последние годы смертельный травматизм по подземной угледобыче? Цифры в целом по отрасли показывают, что он снижается, но некоторые эксперты указывают, что это происходит за счет наращивания открытой добычи, а в подземной за последние 20 лет произошел скачок с 1 до 3 смертей на 1 млн. т угля.

Перед разговором о промышленной безопасности необходимо посмотреть на состояние угледобывающей промышленности «вне безопасности». Сегодня по этому показателю в целом российский углепром находится на уровне 45-летней давности. Более безопасная открытая добыча за годы реструктуризации (1994-2007 гг.) лишь вернулась к показате-

лям добычи конца 1980-х. В опасной подземной добыче в 1990-1998 гг. наблюдался двукратный резкий спад, а затем стагнация на уровне около 100 млн. тонн ежегодной добычи.

Напомним, что в 1994-2007 гг. прошла реформа реструктуризации угольной отрасли.

стр 4

образование

Сергей Кара-Мурза

И где отпустишь ты копыта?

Президент Медведев утвердил очень важный документ под названием «Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». Само название очень емкое и многозначительное: за ним, возможно, действительно кроется фундаментальная, стратегическая инициатива. Поэтому надо, прежде всего, обсудить саму постановку проблемы школы верховной властью государства, а потом уже разбираться в деталях – дизайне классов и парт, скорости школьного Интернета и пр.

стр 3

общество потребления

СССР против РФ или «опять про колбасу»

Помните знаменитую советскую колбасу по два двадцать? Хотя прошло уже много времени, подросло новое поколение...

Именно для него сообщая, что, вопреки либеральным легендам, туалетной бумаги внутри колбасы не было. Хотя бы потому, что она действительно являлась дефицитом.

стр 8

три революции

Дмитрий Лысков

Зарождение марксизма в России

Продолжение. Начало в предыдущем номере ...

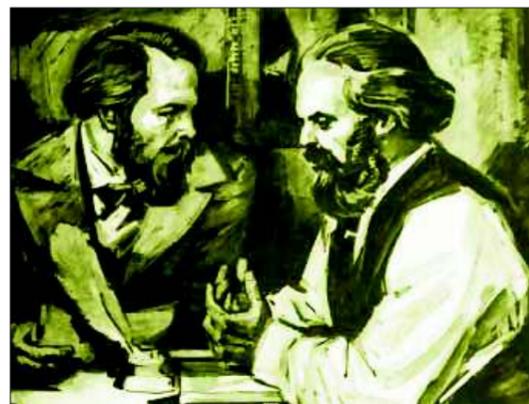
Немецкие экземпляры «Капитала» попали в Россию в конце 60-х годов XIX века. На протяжении нескольких лет в периодике публиковались выдержки из работ К. Маркса, шло их обсуждение.

В 1872 году в России легально вышел русский перевод первого тома «Капитала». С этим изданием связана необычная история. Цензоры, ознакомившись с переводом, отметили, что автор – явный сторонник социализма, но печать книги разрешили, так как «из-за трудности изложения ее никто не прочтет». Под запрет

попал лишь портрет Маркса – его публикацию, по мнению цензоров, «можно было бы принять за выражение особенного уважения к личности автора».

Публикация русского перевода «Капитала» произвела широкий резонанс в обществе.

стр 7

Информацию о подписке и распространении можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru или по эл. почте redaktor@rossii.ru

Татьяна Воеводина

ЭКСПО-2010: Старушачий маразм современной цивилизации

Не знаю, что было на всемирных промышленных выставках 100 или чуть меньше лет назад (например, когда возили в Париж «Рабочего и колхозницу»), но то, что происходит сегодня, вызывает мысли о скором Апокалипсисе. И не надо его бояться. Если в XXI веке так называемому цивилизованному человечеству нечего показать и рассказать о себе кроме ЭТОГО, продлевать его (человечества) существование не имеет смысла. Это – маразм, в самом прямом медицинском смысле. Притом маразм не стариковский, а старушачий. Наверное, это политкорректно – чтобы никакого, храни, господи, сексизма.

Идей никаких. Вообще. Впечатление такое, что орудует сплоченный Интернационал Распилщиков Бюджетов. Никто (по крайней мере, из белых народов) не надеется что-то сделать, чего-то достичь – только просто попилить, и на том спасибо. Вообще, великий «попил» – это результат тотального отсутствия цели. Наша страна – это родина мирового гротеска, поэтому у нас и «попил» такой бескрайний и открытый, как бесконечная русская равнина. Но и в других местах он тоже, надо понимать, не отсутствует. Потому что, повторюсь, ни с какой иной целью спать и выставить на общее обозрение это уродство невозможно.

В российский павильон – длинная очередь. Нас – вообразите! – китайцы до сих пор зовут «старшим братом». Это нам сказал пекинский гид; впрочем, возможно, он просто хотел выслужиться. Как знать... Что же сподобился поведать старший брат младшему, отстоявшему на жаре немалую очередь?

А вот что.

Павильон у нас оформлен под Цветочный город – это из «Незнайки и его друзей», если кто забыл. И Незнайка тут как тут – продаётся мягкая кукла в голубой шляпе. Вокруг сплошные пластмассовые цветочки-лепесточки всех расцветок и размеров. Кое-где прилажены экранчики, на которых мелькают слайды, изображающие российские виды, играющих деток и прочий местный колорит. А так – всё ромашки-колокольчики, vyplnenные в эстетике детсадовского утренника.

Причём тут Цветочный город? А вот причём. Слоган мероприятия – «Better city for better life». Отсюда и город, придуманный писателем Носовым лет семьдесят назад для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Вообще-то, замечательный писатель Носов придумал кое-что и получше. Как аллегория современной российской, да и всеобщей жизни, гораздо лучше бы подошёл Остров Дураков из «Незнайки на Луне»: было такое дивное место, где народ развлекали мультиками и аттракционами, и постепенно превращали в баранчиков, с которых стригали шерстку на продажу. Интересно, понимал ли сам Носов, что создал глобальную аллегию современной постиндустриальной цивилизации?

Но Остров Дураков – это следующий шаг. Пока же мы в Цветочном городе. Во всём прослеживается лозунг дня: никого ничем не затруднить и не дай Бог не «загрузить». Главное – транслировать «позитив» – как и полагается в хосписе.

Из достижений российской науки и техники представлена фотография ледокола «50 лет Победы» и модель будущей плавучей атомной станции. То есть – достижения советского прошлого и туманного будущего. Из настоящего – ничего. А что вы предлагаете? Ну? Придумайте хоть какое-нибудь достижение! Ну хоть какое-нибудь... Нет его.

Про «50 лет Победы» – всё ясно. 50 лет справляли в 1995 году. Значит, проектировали и строили ледокол ещё в заскорузлом совке, когда экономика по-деревенски называлась «народным хозяйством», а его успехи измерялись тоннами чугуна и пудами пшеницы, а вовсе не индексами доу-джонса и насдака, а про разруливание финансовых потоков никто и слыхом не слыхал. Тогда «атомщик» звучало гордо, а в финансовый вуз шли троечники, да там и учили четыре года, а не пять, потому что чего там надо для заведующей сберкассой (персонал-то там был и вовсе без «верхнего»).

Так что ледокол – привет из прошлого.

Что же касается плавучей АЭС, то тут впрямую вспомнить слово Горького про то, что у нас любят «рассуждать о бархатных костюмах в будущем, не имея в настоящем даже пары крепких штанов». Штанов в самом деле нет, а плавучая

АЭС – чистая утка. Она, собственно, и прозвана «хромой уткой атомного ведомства»: колупаются над нею много лет и вряд ли достроят, т.к. питерский завод, куда её якобы должны отбуксировать на достройку, вот-вот закроется. Видимо, для модернизации – переоборудования под элитное жильё и офисы. Модернизация, весьма вероятно, состоится – ведь там на первых ролях сын губернатора Матвиенко.

Ещё говорят, что «утку» для транспортировки на достройку придётся распилить на части. И зачем нам такие хлопоты, скажите на милость? Зачем пилить какую-то дурацкую посудину, когда пилить бюджеты гораздо сподручнее? Что и делают с большим успехом.

Милая девушка-стендистка из Хабаровска прошелестела соотечественникам что-то про ледокол. Мы в ответ расспросили про Хабаровск. Говорит, китайцы уже пришли. И твёрдо обосновались. Много их, очень много. Даже государственные должности занимают. И то сказать: если нам ничего не нужно, то приходят те, кому нужно. Вот такие ромашки-лютики.

А ведь вообще-то тема «город будущего» – полезная тема. Очень полезно на очередном витке истории задуматься над тем, как и где жить современному человечеству. Россиянам, в частности. Ведь живут люди нездоровой, неудобной жизнью, в эстетически уродливой среде. Такая жизнь совершенно не соответствует техническим возможностям человечества. Уже сто и даже больше лет назад разросшиеся к тому времени огромные города ощущались уродливым недоразумением. Именно тогда родилась идея города-сада.

После нашей революции 1917-го года, в самый разгар разрухи развернулась дискуссия о «новом быте» – так это тогда называлось. Как обустроить жизнь, достойную «победившего пролетариата»? Где должны жить люди? Разрабатывались концепции «согородков», обсуждались проекты домов и, главным образом, целостных поселений. Многие новаторские идеи в урбанистике принадлежали советским архитекторам-конструктивистам. Почему бы не рассказать об этом хотя бы и на выставке? Наверное, чтобы никого не «грузить», чтоб было как-то проще и позитивнее. И понятнее опять же: «сама садик я сидела – сама буду поливать». Старушачий такой идеал: герань на окошке, и чтоб не слышать ничего затруднительного и тем паче огорчительного.

В павильоне США – тоже пластмассовые цветочки. Но не в натуре, а в кино. Там вообще всё просто: экспонатов нет совсем. Сначала народ запускают в большой ангар и долго на все лады говорят с экрана по-китайски «здравствуйте». Это слушают стоя. Потом народ перетекает в другой ангар с длинными лавками, где показывают видовое кино про счастливую жизнь в Америке: красивые пейзажи, экологические ветряки, много разноцветных деток, рисующих умильные каракули, чёрненькая девчушка, желающая стать доктором и помогать людям... В начале кино – Хиллари Клинтон с голубым бантиком, а под конец – Барак Обама как воплощение глобального позитива.

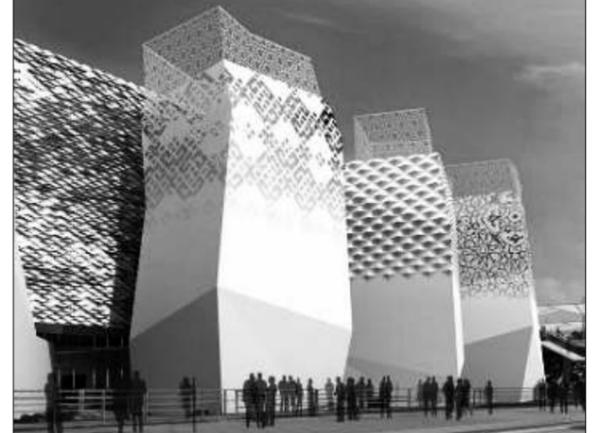
Но это не всё. Дальше давали нечто «художественное». На вид – чистая самодеятельность, но, видимо, это тоже какой-то неведомый тренд и бренд. Похоже на глубоко довоенный фильм с картонными декорациями. Изображают декорации замусоренный двор-колодец. Девочка решает озеленить двор и сажает пластмассовый цветочек. Не сразу, но со временем к ней присоединяется весь дом. Побеждает дружба, позитив и экология.

Это сюжет проходной советской пионерской повести 1940-60-х годов: «В Орле, в Ленинграде, в Рязани, в Клину пусть каждый посадит сирень или сосну. Пусть лучше и краше, сама как весна, становится наша родная страна. Ты выбежишь с книжкой читать в холодке, твой младший братишка с игрушкой в руке...» и т.д. Мысль старинная и правильная. Но до чего же убого исполнили её американцы! При этом в детсадовской эстетике.

Детсадовская эстетика – это впадение в детство, последняя стадия маразма. Впадение в детство по старушачьему типу – цветочки. По стариковскому были бы коняшки и игрушечные сабельки.

И это всё, что великая нация имеет сообщить «городу и миру».

Российский павильон выставки ЭКСПО-2010

Мы странно породнились с американцами на почве пластмассовых цветочков. В этих цветочках просвечивает нечто кладбищенское, не находите? Продаются такие цветочки у нас возле кладбищ...

К счастью, следующее помещение в американском павильоне, напротив, внушает оптимизм и веру в будущее. Там продаются сувениры: кепки, майки, ковбойские шляпы почему-то романтического розового цвета. И всё строго «made in China». Не перевелись ещё работники в мире. Когда развитые и просвещённые народы дружно отправятся в свой политкорректный хоспис, из которого путь один – на кладбище с пластмассовыми цветочками, – они, рабочие и крестьяне, по праву займут место маразмизирующих тунеядцев. «Лишь мы, работники всемирной великой армии труда владеть землёй имеем право, а паразиты – никогда», – эти слова звучат изумительно свежо. Такая вот неожиданно оптимистическая мысль приходит при посещении ЭКСПО-2010 в городе небоскрёбов и трущоб Шанхае.

Да, вот ещё забыла. Украинский павильон. Поскольку это моя, можно сказать, историческая родина (бабка была родом из Волынской губернии), решила зайти, благо очереди там не было практически никакой: вероятно, средний китаец не знает, «что это за географические новости» – Украина. Впрочем, и моя бабка тоже говорила, что украинскую нацию «большевики придумали», а на самом деле мы все – русские, только некоторые великорусы, а есть ещё белорусы и малороссы, но все мы – русские. Такая у меня была тёмная бабка, неподкованная по национальному вопросу. Вот и гимназию кончила, и на высших женских курсах в Питере поучилась, а так тёмной и померла. Очень жаль, что не может она увидеть павильон родной Украины.

Самое интересное в нём – это фасад. На фасаде – схематическая карта, относящаяся по времени к шести тысячам лет до Рождества Христова. И показано там, как расселялись по территории современной Украины древние укры по всему земному лику. Дошли эти героические укры и до Персии, и бог весть докуда, в одно только место сроду не совались – на северо-восток от своего благословенного эпицентра. Ну вот ни ногой! За все шесть тысяч лет! И то сказать, чего туда соваться – в леса и болота, к злым москалям в пасть. На это разве что современные гастарбайтеры решаются. Смелые люди, сразу видно: наследники героических укров.

В самом павильоне – тоже пластмассовые цветочки, подсолнухи. Предлагается борщ по цене, за которую мы в городе обедаем вчетвером в китайском ресторане. Кстати, такая же история и в российском павильоне: цены ломовые, кваса нет (говорят, трудно довести), зато есть кока-кола и пирожки – как те, которые в Москве продаются в метро и подземных переходах.

Город будущего в украинском павильоне как-то спущен на тормозах. В качестве отписки стоит какой-то макет в том стиле, в каком в 1960-е годы изображали будущие поселения на Луне.

Ну и ещё строят недоделанные глиняные кринки. Написано, что время от времени проводят мастер-класс по их изготовлению. Такой вот «креативф» создали украинские товарищи.

Ну что тут скажешь? Современное человечество скучно самому себе. Это даже не заслуживает высокого имени декаданса – это старческий маразм. С кладбищенскими пластмассовыми цветочками.

Сергей Кара-Мурза

И где опустишь ты копыта?

Президент Всероссийского фонда образования Сергей Комков сказал: «Сама по себе эта инициатива не может привести к негативным последствиям. Другой вопрос, как она будет реализовываться, и кто будет этим заниматься. Не превратится ли это в очередную декларацию?»

Дело состоит совсем не в этом! Страшно то, что данная инициатива может вообще не превратиться в очередную декларацию. Пустые декларации к негативным последствиям не приводят. Реальная угроза возникает, когда власть действительно начинает преобразовывать какой-то жизненно важный общественный институт.

В данном случае речь идет о создании новой школы, то есть о таком реформировании прежней школы, которое приведет к ее принципиальному изменению. И главное в этой инициативе не зарплата учителей, не механизм финансирования и не гранты тем молодым учителям, которые поедут работать в провинцию. Само понятие «новая школа» означает, что власть предполагает ликвидировать в России ту школу, которую мы до сих пор имели, и построить на ее месте принципиально иную в ее фундаментальной сущности систему. Примерно так же, как поступили с колхозами и отправили сельское население с мотыгами на их «частные» подворья – это была Национальная инициатива «Наше новое сельское хозяйство». Именно в этом и надо разбираться.

С. Комков добавил об инициативе: «Это – скорее то, каким глава государства хотел бы видеть образовательный процесс, и что он хотел бы получить в процессе реформирования школы. В этом плане я и многие другие эксперты его полностью поддерживаем».

Я не эксперт, но эту инициативу не поддерживаю, потому что за туманными обтекаемыми рассуждениями о дизайне и Интернете таится угроза для самой сути той школы, которую Россия выстроила в трудные и творческие поисках за последние 100-120 лет. За 20 лет мы ни разу не получали от власти ясного ответа на вопрос, зачем надо менять тип прежней школы и что мы получим в итоге. В чем сущность той реформы, которую начали сразу после смены политической системы? Почему ее смысл тщательно замалчивается, а внимание уводится к спорам о зарплате учителей и к Интернету? Как говорили в Древней Греции, «молчание их подобно крику».

Цель – сломать едва ли не главный, проросший во все российское общество и русский народ институт, который воспроизводит Россию. Школа — это генетический механизм культуры. Школа передает каждому новому поколению детей и подростков созданные и отработанные в этой культуре смыслы, тип знания и мышления, навыки быть членом этого общества, этого народа, следовать его цивилизационной траектории. Все это вместе составляет центральную мировоззренческую матрицу, на основе которой люди и собираются в единый народ. Разрушь эту матрицу (по чьей-то команде или по незнанию) – и народ рассыплется, как куча песка.

Именно в этом суть школы. Задача же реформы – изменить именно эту суть, а не побрякушки. Возможно, Президент этого не видит и «хочет как лучше» – нельзя отбрасывать и эту версию. Но тогда он должен был бы вступить в диалог, а не просто объявлять решение, выработанное где-то в Высшей школе экономики, в ИНИСОРе или в Минобрнауки.

Если говорится, что мы создаем

новую школу, это означает, что власть имеющимися у нее средствами изменяет генетический механизм культуры России. Но даже очень незначительное изменение в генетическом механизме называется мутацией. Здесь же речь идет о смене типа школы. Ответственная часть общества должно задуматься над тем, какой будет эта «мутация» и что из себя будут представлять дети, прошедшие эту новую школу, чем они будут отличаться от прежних людей, проходивших прежнюю школу. Можно ли хоть приблизительно предсказать результаты подобных мутаций?

Известно, что школа – один из самых консервативных институтов общества. Для народа и его культуры, как и для любого организма, защита его «генетического аппарата» – одно из главных условий продолжения рода. Поэтому нужно вникнуть в смысл содержательных фраз в выступлениях Президента по данной теме, хотя эти фразы и скрыты под наслаиваниями добрых пожеланий. Ведь начата 20 лет назад реформа школы породила тот глухой, но непримиримый конфликт, который расколол наше общество.

Точнее, его раскол ряд фундаментальных конфликтов – приватизация, реформа основных систем жизнеобеспечения страны... Но, пожалуй, самое долговременное противостояние в обществе касается именно школы. Большая масса людей пытается реконструировать доктрину этой реформы, понять ее замысел. Сейчас для этого появился материал, приоткрывающий ее суть.

Строго говоря, это конфликт не новый, он возобновился. С конца XIX века, когда в России началась индустриализация и стала создаваться массовая школа (то есть система, которая должна была давать образование и воспитание всем детям России), перед государством и обществом возникла проблема – какой тип школы выбрать? Эта дискуссия длилась несколько десятилетий, и был сделан фундаментальный, цивилизационный выбор: школа России должна быть единой и общеобразовательной.

Принципиальность выбора была в отказе от того типа западной школы, который был выработан в процессе Великой французской революции, а затем принят всем Западом. Главное было в том, что эта «школа капиталистического общества» была не единой, и не общеобразовательной. Это была система «двух коридоров», которая делилась на школу для элиты и для массы. Первая давала образование университетского типа, основанное на системе дисциплин – областей «строного» знания, в совокупности создающих целостное представление о Вселенной (универсуме).

Другая, массовая школа «второго коридора» готовила «человека массы». Эта система воспроизводила классовое общество, разделенное не только социально, но и культурно. Это была «фабрика субъектов», заполнявших, как рабочая сила, фабрики и конторы. Она была отделена от университета и передавала детям «мозаичную культуру», составленную из обрывков знаний, «полезных в повседневной жизни».

На Западе различие культурного багажа и типа мышления двух людей, прошедших по разным коридорам школы, просто поражает. В это нельзя было бы поверить, не окунувшись в их среду: это как две разные расы с разными типами культуры. В России же в начале XX века культура сопротивлялась «импорту» западного капитализма и соответственно вырабатывала свой тип школы. В 1918 г. было принято и закреплено ре-

шением I Российского съезда учителей другое решение: школа должна воспроизводить не классы с двумя разными типами культуры, а народ с единой для всех культурой.

Этот тип школы исходит из того, что дети России равны как дети одной семьи. В школе они должны воспитываться и обучаться как люди, говорящие на языке одной культуры. Но реформаторы с начала 1990-х годов поставили задачу сломать принцип единой школы. Их цель – разделить единую школу на два коридора, создать небольшую школу для элиты и большую – для фабрикации массы.

Наша школа была построена в советское время. Мы ее знали уже в зрелой форме. Эта общеобразовательная школа, включая вечерние школы и ПТУ, строилась на базе университетской, а не «мозаичной», культуры и всем давала целостный, дисциплинарный свод знаний. Советская школа вся была школой для элиты – в этом смысле все дети были кандидатами в элиту. Конечно, другие условия еще довольно сильно различались, но тип образования и культуры был единым для всех. ПТУ и вечерние школы не были иным «коридором». В них учились по тем же учебникам и тем же программам – по своему строению это было то же самое знание.

Советский корпус инженеров в большей мере был собран из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Два Главных конструктора, два академика, руководители космической программы Королев и Глушко в юности окончили ПТУ. Юрий Гагарин окончил ремесленное училище. Программа единой школы позволяла всем детям освоить культурное ядро своего народа.

Позволяет ли изложение доктрины «Нашей новой школы» трактовать ее как отход от принципов единой и общеобразовательной? На мой взгляд, да, для этого есть такие основания.

Во-первых, в этой доктрине не было подтверждено намерение следовать этим принципам, в то время как в ходе реформы мы на практике видели последовательный отход от этих принципов. Это и создавало обстановку тлеющего конфликта и множества обращений «консерваторов» с требованием коррекции курса реформы.

Во-вторых, ряд заявлений Президента Д. А. Медведева никак нельзя истолковать иначе как намерение радикализировать эту реформу. В своем изложении инициативы «Наша новая школа» 4 февраля 2010 г. он сказал: «От стандартов, содержащих подробный перечень тем по каждому предмету, обязательных для изучения каждым учеником, будет осуществлен переход на новые стандарты... Школа должна стать более самостоятельной в составлении индивидуальных образовательных программ... В любой образовательной программе будет две части: обязательная и та, которая формируется школой». Но это и есть отказ от принципа единой школы.

Теперь школа будет составлять индивидуальные образовательные программы, что и происходило при разделении школы Запада на массовую и элитную. Для них нет единой программы, программы разных коридоров различаются очень сильно.

А вот два высказывания из разных заявлений, но взаимодополняющие друг друга: «Программы обучения старшеклассников будут увязаны с дальнейшим выбором специальности... Мы должны всячески стимулировать таланты. Особенно важно это делать в тот период, когда происходит профессиональное становление таких детей».

Здесь сформулирован принцип ранней профессионализации как альтернатива общеобразовательной школе. Что значит «программы, увязанные с выбором специальности»? Одно дело – очень небольшое число спецшкол (типа Московской средней художественной школы или нескольких «математических» школ), другое – принцип создания «Нашей новой школы». Какое может быть «профессиональное становление детей»? Это немыслимый откат в педагогике. Нормальный ребенок, фантазируя на тему «кем быть», за школьные годы перебирает с десятков профессий, и, даже поступая в вуз, еще окончательно не осознает своего призвания. Условием его свободного развития и является характер школы как единой и общеобразовательной. В этом и была сила нашей школы, здесь – исток той любви, которую к ней испытывали многие поколения.

Меня насторожила и такая фраза Президента: «Результат образования – это не только знания по конкретным дисциплинам, но и умение применять их в повседневной жизни». Раньше это воспринималось как банальная житейская мудрость. Мол, знание закона Ома поможет рассчитать нужное сечение проводов, если сам налаживаешь электричество на даче. Но сейчас это звучит как провозглашение нового принципа для школы: одним – абстрактное знание дисциплин (закона Ома, тригонометрии, молекулярной генетики), а другим – умение применять знания в повседневной жизни. Это был и есть лозунг разделения школы на два коридора. Фраза, буквально взятая из описания «школы капиталистического общества» в классической монографии французских социологов образования.

Угрозу я чувствую и в таком намерении: «Мы введём мониторинг и комплексную оценку академических достижений ученика, его компетенций и способностей». Сказано, как отрезано. Мониторинг способностей ученика! Сертификация! Ты, Миша, способный мальчик, а ты, Петечка, бездарь. Собирай вещички! И ведь этот мониторинг будет иметь монетарное подкрепление. Сказано: «Работа с одаренными детьми должна быть экономически целесообразной. Норматив подушевого финансирования следует определять в соответствии с особенностями школьного, а не только образовательного учреждения». Тут Петечка и вещичек не успеет собрать – вылетит, как пробка из бутылки. А Мишу за уши потянут до квалификации «юный гений» – попробуй, докажи, что это не так.

И, наконец, самое главное. Вот как видится реформаторами «Наша новая школа»: «... Готовиться к условиям жизни в высококонкурентной среде, то есть уметь бороться за себя... У нас длительное время считалось, что человек должен раскрывать свои лучшие способности в коллективе, а коллектив должен помогать человеку, и это нормально. С другой стороны, каждый человек сам должен заниматься своей карьерой, думать о своём будущем и исходить из того, что ему придётся конкурировать с другими людьми. Это некая смена парадигмы, в том числе образовательной. Думаю, что мы действительно должны в известной степени поменять наши установки, может быть даже и ценностные установки на эту тему».

Тут нет комментариев. Россия, Россия...

Эх, Дмитрий Анатольевич, ну и доктрину Вам подсунили в Минобрнауки или ИНСОРе.

Гражданкин А.И.

Безопасность угледобычи

Самопроизвольный переход к рынку российского углепрома не состоялся. По указу Ельцина от 21 июня 1993 г. «О мерах по стабилизации положения в угольной промышленности» с 1 июля 1993 г. был осуществлен переход на применение свободных (рыночных) цен на уголь и продукты его переработки. В 1993 году доходы от продажи угля в России составили 1,5 трлн. руб. в текущих ценах, а расходы — 2,3 трлн. рублей. Переход на свободные цены за полгода увеличил задолженность потребителей в 7 раз, а рост железнодорожных тарифов за то же время втрое увеличил долги угольщиков железнодорожникам. Переход на рыночный способ хозяйствования парализовал «плановый» углепром и смежные отрасли. При участии и посредничестве Мирового Банка стали создаваться новый российский углепром. За образец реформ была выбрана Великобритания, т.е. были нарушены элементарные критерии подобия: как можно сравнивать угледобычу страны с вековыми либеральными традициями и РФ? Кроме того, реструктуризация в Великобритании проводилась в основном вследствие истощения запасов угля, а Россия и сегодня имеет вторые запасы в мире после США. Если желаешь углерынка, то на США и следует ориентироваться, но с обязательной поправкой, хотя бы на горно-геологические условия добычи.

С чего начинали в угольной промышленности РФ? В начале 1990-х только государственные дотации углепрому составляли до 1,5 % ВВП, т.е. около 40 млрд. долл. Непосредственно перед реформой в 1993 году размер средств государственной поддержки угольной отрасли составлял 1,2% объема ВВП. К 2001 году дотации были полностью свернуты. С 2001 по 2006 г. на реформу углепрома расходовалось 0,03–0,08% ВВП ежегодно. В 1998 г. все инвестиции в основной капитал угледобычи составили 5,1 млрд. руб. (0,03% ВВП), а в 2008 — 68,6 млрд. рублей (2,2 млрд. долл.) — 0,17 % ВВП. Несмотря на абсолютный рост, относительный объем капиталовложений сократился более чем десятикратно. Необслуживание основных фондов на фоне роста добычи рано или поздно должно было ударить по безопасности углепрома.

В. В. Путин на селекторном совещании 17 мая 2010 года, посвященном расследованию аварии на шахте «Распадская», указал, что с 1998-го по 2008 год «затраты на охрану труда выросли ... практически в 9 раз. В 9 раз! ... если в 1998 году на эти цели было израсходовано всего 659 млн. рублей в целом по отрасли, то в 2008 году — уже 6 млрд. рублей. А что происходило с так называемым смертельным травматизмом? Что было с этим страшным показателем? В 1998 году таких случаев было 135, и далее по соответствующим годам: 96, 121, 93, 68, 91, 126, 90, 58 и в 2007 году — 217. Да, мы видим, что в некоторые периоды, в отдельные годы было заметное улучшение. Но в целом-то! В целом количество несчастных случаев со смертельным исходом почти не сократилось. Возникает вопрос: в чем дело? Ведь денег-то в безопасность начали вкладывать намного больше. В разы больше! В 9 раз! И, конечно, у меня возникает вопрос: какие же расходы идут по разделу «Охрана труда»? Куда конкретно вкладываются эти деньги? В охрану какого и чьего труда? И достаточно ли этих средств для обеспечения безопасности с учетом роста добычи? А на самом деле оборудование не такое уж и дорогое. Оно просто дешевое».

Действительно, несурзаца какая-то получается: в абсолютном выражении «затраты на охрану труда» растут, оборудование обеспечивающее безопасность, — «просто дешевое», а крупные аварии, сотрясающие углепром, входят в привычку. «Затраты на охрану труда» растут лишь в абсолютном выражении, а в относительном — они падают. Если в 1998 году они составляли 13% от всех инвестиций в основной капитал угледобычи, то в 2008-м — снизились до 8,8 %.

Сам по себе рост абсолютных «затрат на охрану труда» — факт отрадный. Другой вопрос — в чем причина этого роста? Ведь до роста был провал: докатились же в 1998 году до 659 млн. рублей — 12% всех выделенных средств федерального бюджета на реструктуризацию (остальные 78% были потрачены на социальную защиту угольщиков и техническую ликвидацию отрасли). Корректнее говорить не о росте, а о движении к восстановлению прежнего уровня «затрат на охрану труда». Зерна угроз крупных аварий закладываются в прошлом. Их вызревание не остановить покупкой «просто дешевого» оборудования, да и дорогого тоже: техника сама по себе безопасность не обеспечивает. Сегодняшние вложения — залог будущей безопасной угледобычи. Существенную часть из них придется потратить задним числом. Причем уже не на безопасность, а на ликвидацию аварий в настоящем.

Затраты на безопасность невозможно отсрочить и потом нагнать скачком. Десятикратный рост вложений 2008-го не может механистически компенсировать провал 1998-го года.

В обеспечении безопасности важны абсолютные величины планомерных ежегодных вложений. Несмотря на рост «затрат на охрану труда», сначала придется пожать недовольства в безопасность из прошлого. Кроме того, само производство сократилось (отброшено почти на полвека назад), а с ним и доля средств на безопасность в абсолютном (да и в относительном) выражении — потери в экономии на масштабах производства ударяют по дорогостоящим капитальным мерам (коллективного, пассивного) обеспечения безопасности — в основном определяются обслуживанием и поддержанием инфраструктур подземного пространства.

К началу реструктуризации более половины шахт имели фактический срок службы свыше 40 лет, многие предприятия отработывали в тяжелых горно-геологических условиях некондиционные по рыночным меркам запасы угля. За годы реструктуризации углепрома (1994–2007 гг.) перестали эксплуатироваться более чем 80% шахт (нерентабельных и, как правило, наиболее опасных): по данным ГУ «Соцуголь», в 1993 году перед началом реструктуризации в угольной промышленности действовало 232 шахты, на 2007 г. прекращена добыча угля на 188 шахтах и 15 разрезах, а к началу 2010 года практически полностью завершена их «техническая ликвидация». Потери производственных мощностей за эти годы составили около 69 млн. т, а ввод новых — 96,8 млн. тонн. Всего в РФ с 1991 по 2009 г. введено в действие производственных мощностей за счет нового строительства, расширения, реконструкции и технического перевооружения 132,17 млн. т — в среднем по 7 млн. тонн ежегодно, что соответствовало 1,5–3% от общих объемов добычи. Другими словами — основная часть добычи сегодня ведется на передовых советских шахтах и разрезах, на которые морально и физически истощаются и техника, и кадры. Наблюдаемые всплески смертности в крупных авариях никак не наследием «проклятого прошлого» не являются — это вызревшие новые угрозы в период «перехода к рынку», на которые, увы, не найдешь ответа в учебниках (ни в западных, ни в советских).

Сведения о том, сколько сейчас шахт и разрезов в России, сильно разнятся. По данным Ростехнадзора, в 2009 г. действовало 157 шахт и 185 разрезов (годом ранее было 178 шахт и 195 разрезов). По данным Минэнерго РФ, опубликованным в журнале «Уголь», в 2009 г. в угольной промышленности России действовало 94 шахты и 119 разрезов (а в 2008 г. там же указывалось 96 шахт и 148 разрезов), на официальном сайте Минэнерго упомянуты 93 шахты и 138 разрезов, а на сайте Росинформуголь — 77 шахт и 111 разрезов. В любом случае видно, что число шахт уменьшилось более чем наполовину (в 2–3 раза). «Инвентарная» составляющая промышленной безопасностикратно улучшилась — нет шахт и нет проблем с гибелью в них шахтеров. Безопасность обеспечивается безугольностью (без шахт возникают другие проблемы, социальные. Риторический вопрос: что «почетнее»? — погибнуть героически в шахте за ~3 млн. руб. или бесплатно спиться на поверхности в нищете от безработицы).

Приведем некоторые производственные параметры, изменения которых с начала перестройки (1985 г.) должны были существенно повлиять на безопасность угледобычи:

- доля добычи угля открытым и, следовательно, более безопасным способом возросла с 51,6 до 64,1% (1985–2009 гг.) причем наибольший десятипроцентный «технический рывок» наблюдался с 1995 по 1998 гг., когда по реструктуризации начали закрываться самые нерентабельные и опасные шахты: за эту четырехлетку остановлено более ста шахт, подземная добыча сократилась со 111 до 82 млн. тонн, а открытая оставалась на уровне 150 млн. тонн. Напомним, что действительно технологический рывок в переходе к открытому способу добычи был произведен в РСФСР в 1970-х годах (с 37,4 до 47,3 %), когда открытая добыча росла (со 129 до 185 млн. тонн) при сохранении объемов подземной (216–206 млн. тонн). В вопросе указано — о «наращивании открытой добычи», но правильнее говорить все же о сокращении подземной и восстановлении открытой на уровне начала 90-х.

- уровень использования производственных мощностей в последнее десятилетие возрос с 66 до 81%, но еще не достиг доперестроечных 94%. Резкие изменения этого показателя могут негативно сказываться на надежности и безотказности техники из-за «неудобных» пуско-остановочных режимов (остановленное производство «ржавеет как кинжал в ножнах»);

- реструктуризация углепрома привела к относительному повышению производительности труда, которая сначала падала с 919 до 518 т/чел. в 1986–1994 гг., а к 2009 г. выросла до 1637 т/чел. Такой рост за последние 15 лет обусловлен сокращением чис-

ленности производственного персонала, увеличением объемов открытой добычи и механизации подземной. Первый и последний факторы прямо затрагивают наиболее опасную подземную добычу. Так по данным Росстата число занятых в подземной добыче сократилось в 1996–2008 гг. почти в три раза с 300,7 до 116,8 тыс. чел., что при незначительном увеличении объема добычи со 101 до 105,3 млн. т почти втрое увеличило там производительность труда с 336 до 902 т/чел. Налицо достаточно мощная интенсификация опасного подземного труда, достигнутая за счет более чем двукратного сокращения нерентабельных (опасных) шахт и механизации подземной добычи;

- удельный вес добычи угля на шахтах механизированными комплексами оборудования в общем объеме добычи угля из очистных забоев плавно вырос с 79 до 96%. Другими словами, в шахты пришла новая высокопроизводительная и внутренне безопасная техника добычи, однако внешняя к ней инфраструктура подземного пространства в среднем деградировала: с 1995 г. износ основных фондов вырос почти на 10% и составил в 2008 г. 46,5%. Отметим, что доля транспортных средств, машин и оборудования в структуре основных производственных фондов углепрома достигает 65%, и именно в этом сегменте сосредоточены инвестиции. Новая добычная техника попадает в подземное пространство с износом основных фондов, существенно превышающим средний уровень в 46,5%. Это очень тревожный сигнал: бытовавшее забвение функции обслуживания основных фондов (не говоря уже о воспроизводстве и обновлении) сменится активным истощением оставшегося — достаточно взглянуть на бурный рост производительности труда при ветшающих инфраструктурах подземного пространства.

Безопасность угледобычи лихорадит мощная новая высокопроизводительная добычная техника, вгрызающаяся вглубь ветшающих инфраструктур подземного пространства. Произошло буквально то, что называют «влитием молодого вина в старые меха» и как результат — аримичный всплеск крупных аварий на вроде бы успокоительном фоне сокращения аварийности и травматизма.

Официальные сведения о погибших в российской угледобыче публикуются в годовых отчетах Ростехнадзора (ранее Госгортехнадзора). К традиционным показателям смертельного травматизма относят удельное количество смертей на объем добычи и на число занятых (или на затраченные человеко-часы).

В РСФСР с 1985 по 1991 гг. производственный травматизм плавно снижался с 0,58 до 0,52 погибших на 1 млн. т добычи вслед за плавным снижением производительности труда с 773 до 662 т/чел. В начале-середине девяностых в РФ производственный травматизм сразу вырос в 1,5 раза и удерживался на уровне 80–88 погибших на 100 млн. т добычи, несмотря на продолжавшееся снижение производительности труда вплоть до минимума 518 т/чел. в 1994 году. После 1994 года плавности динамики смертельного травматизма в угледобыче исчезает, несмотря на вполне устойчивый рост производительности труда. Вслед за ним просматривается необычный общий тренд на понижение смертельного травматизма — следствие закрытия более чем половины опасных шахт и почти полукратного увеличения объемов открытой добычи.

Видны три явных пика — 1997, 2004 и 2007 гг. Напомним, что в 1997 г. произошли крупномасштабные аварии на шахтах «Зырянская» (АО «Кузнецкий уголь») и «Баренцбург» (ФГУП «Арктикуголь»), в которых погибло 67 и 23 человека. В 2004 г. в филиале «Шахта Тайжина» ОАО УК «Южжубассуголь» и в ООО «Шахта Листвяжная» ОАО ПО «Сибирь-Уголь» в результате аварии были смертельно травмированы 47 и 13 человек. В 2007 г. было 243 случая со смертельными травмами, из которых жизнь 159 человек унесли три крупнейшие аварии на шахтах «Ульяновская», «Юбилейная» в Кузбассе и «Комсомольская» в Воркуте, произошедшие в марте-июне 2007 года. Ежегодный травматизм рабочих взметнулся с 38 до 134 погибших на 100 тыс. трудящихся, а удельный смертельный травматизм на 100 млн. т добычи в шахтах вырос с 48 до 200 человек (максимум в РФ зафиксирован в 1997: 233 смерт./100 млн. т).

Итак, тренд смертельного травматизма в целом нисходящий (сокращение объемов опасной подземной добычи, увеличение механизации работ), но после реструктуризации (изменения целей производственной деятельности с ориентацией на платежеспособный спрос) получаем аритмичные всплески крупных аварий, которых раньше в таких масштабах не было (причем шахт было, как минимум, в два раза больше, и более половины из них были опасны по условиям добычи, однако объективные опасности на них не вызревали в масштабные угрозы).

Прямого ответа на вопрос о статистике смертельного травматизма, именно по подземной угледобыче, по официальным источникам дать невозможно. Данные публикуются по отрасли в целом. Известно, что в основном гибнут именно в шахтах (в среднем 82%), поэтому общие выводы о причинах и тенденциях крупных аварий не изменятся от рассмотрения только «подземной» статистики (добавление «надземной» статистики слегка замутнит картину опасностей, но вектор обеспечения безопасности все равно хорошо просматривается). Рассмотрение только подземной добычи существенных сведений не дает, но опровергает мнение о росте в РФ смертельного травматизма с 1 до 3 чел./млн.т. добычи (снижался в диапазоне 2,3-0,3 смертей на млн. т добычи). В подземной добыче удельный смертельный травматизм почти в восемь раз выше, чем в открытой.

В российской угледобыче наблюдается снижение абсолютного числа аварий и несчастных случаев (меньше добываешь – меньше и аварийных потерь).

Однако, по сравнению с РСФСР, в РФ число погибших стало обратно пропорциональным производительности труда – коэфф. +0,7 и -0,6, соответственно. Это «достижение», противоречащее здравому смыслу, «компенсируют» всплески крупных аварий: 1997, 2004, 2007, 2010 годов.

На фоне снижения объемов и доли подземной добычи, закрытия наиболее опасных шахт в отрасли наблюдается стабилизация и/или увеличение разброса относительных показателей в 1992-2009 гг.:

4,7±1,0 погибших/10тыс. занятых (по РСФСР 4,3±0,5 погибших/10тыс. занятых в 1985-1991гг.);
54±12 погибших/100млн. тонн добычи (по РСФСР 53±3 погибших/100млн. тонн добычи в 1985-1991гг.), из них:

117±24 погибших/100млн. тонн в подземной добыче (1991-2009);

15±4 погибших/100млн. тонн при открытой добыче (1991-2009).

Вопрос 2: как решается эта проблема в других странах с рыночной экономикой и значительными объемами добычи?

Понятие «рыночная экономика» крайне неопределенно, в отличие от объема угледобычи.

К странам со значительными объемами добычи угля могут быть отнесены Китай, США, Индия и Австралия. Известно, что СССР также относился к «значительным» странам (и точно был без «рыночной экономики»).

Сегодня РФ находится в обойме с такими добывающими странами, как Индонезия, ЮАР и Германия.

Наиболее крупные открытые запасы угля в мире сосредоточены в США, России и Китае.

После аварии на Распадской в СМИ обычно и сравнивают угледобычу в этих трех странах (как приправу добавляют и Украину).

Проблема крупных аварий в угледобыче решалась и решается по-разному в разных технических культурах. Область возможных решений всегда ограничена экономическими, природными (горно-геологическими) и научно-техническими возможностями. Все ищут оптимальное решение, но прямое сравнение обеспечения безопасности в углепромах для оценочных выводов слишком некорректно – у всех разные земля, уголь, техника, история, уклад хозяйства, кадры и проч.

Вот что говорит слепая статистика. Во всех странах на фоне роста добычи абсолютное число погибших снижается. Наибольшая добыча в Китае – с него и начнем:

По данным за 2000-2009 гг. в Китае в среднем гибнет 4-6 тыс. чел./год (для ниспадающего тренда среднее значение не вполне годится: так, в 2009 г. погибло 2,6 тыс. чел.), при резком росте добычи с 1,2 до 2,9 млрд. т/год.

Средний смертельный травматизм составляет 270±80 смертей/100 млн. т (среднее значение здесь плохо отражает реальность: травматизм плавно упал за 2000-2009 гг. с 456 до 89 смертей /100 млн. т).

По данным за 1991-2009 гг. в США в среднем гибнет 25-49 чел./год (наблюдалось падение с 61 до 15 чел. в 1991-2009 гг.), при добыче 1,05-1,1 млрд. т/год.

Средний смертельный травматизм составляет 3,46±0,55 смертей/100 млн. т. По данным 2007-2008 гг. в среднем погибло 3,8 человек на 10тыс. занятых, а в подземной добыче – до 5,1 погибш./10 тыс. занятых.

По данным за 1991-2009 гг. в РФ в среднем гибнет 115-180 чел./год при стагнации добычи на уровне 260-300 млн. т (в 2009 г. – 48 погибш.).

Средний смертельный травматизм в РФ составляет 54 ±12 погибших/100 млн. т добычи, 4,7±1,0 погибших/10 тыс. занятых (1992-2009 гг.). По данным Росуглепрофа, общий смертельный травматизм от всех причин гибели в угледобыче составляет 7,9±1,1 погибших/10 тыс. занятых (1994-2006 гг.).

Только для «приправной» справки: на Украине гибнет около 180 чел./год (данные 2005-09 гг.) при добыче ок. 60 млн. т/год; смертельный травматизм 311±70 смертей/100 млн. т (в 2009 г. 275,4 смертей/100 млн. т добычи).

По цифрам, казалось бы, флагман безопасности

здесь – США, а аутсайдер – Украина. Но из этих цифр никак не следует, что РФ нужно становится вровень с США или с Китаем. Не соблюдаются элементарные критерии подобия.

Так, объемы подземной добычи в США весьма стабильны – 349±11 млн. т/год (1949-2008). В РФ подземная добыча сначала достаточно резко сокращалась (с 1990 по 1997 гг. в 1,5 раза), а потом медленно восстанавливалась, в среднем находясь на уровне 176±11 млн. т/год. Китай и США сейчас на подьеме, а у нас и на Украине – затяжной кризис «перехода к рыночной экономике». Надорвемся...

Еще в 1970-е годы в США добывали уголь с глубины не более 150 м, а в СССР средняя глубина залегания пластов была в Донецком и Печорском бассейнах 395-420 м, в Карагандинском – 300 м. и в Кузнецком – 200 м. В 1993 г. средняя глубина большинства (72%) пластов в США составляла 287 м. В 2003 г. 70 % американской подземной угледобычи было сосредоточено в Аппалачском бассейне со средней глубиной залегания большинства пластов не более 220 м. (1993 г.). К тому же в отечественных угольных бассейнах выше и степень газообильности (скорости нарастания газоносности с глубиной). Причем, самая высокая – в Караганде, затем следуют Кузбасс и Донбасс. В той же Германии при тех же показателях газовой опасности, что и в Донбассе, государство компенсирует затраты на безопасность угольным компаниям и гарантирует шахтерам оплату, адекватную степени тяжести труда (и наказывает за отступление от правил безопасности очень жестко).

В 2008 г. в российском углепроме было занято 208,5 тыс. чел., а в США – 86,7 тыс. чел. Однако удельный угольщик рискует и в США, и в РФ своей жизнью примерно одинаково – 3,8 и 4,7 смертей на 10 тыс. занятых, несмотря на масштаб аварий: у нас на Распадской 8-9 мая 2010 г. – 100 погибших, а в США на Massey Energy Mine 5 апреля 2010 – 29 погибших.

Особого предмета для гордости тут нет. Полезней сравнить РФ с РСФСР. В срезе безопасности сравнения неприглядны.

Сегодня мы стоим перед выбором – какую техносферу мы хотим, и возможно ли это в при всех ограничивающих условиях? Нужно ли продолжать грезить сравнений РФ с Западом? Даже до Китая пока не докатились (скоро он до нас докатится).

Запад – витрина безопасного производства. Что-то не слышно особых приглашений для РФ занять угол в этом постиндустриальном царстве безопасности. А без такого приглашения вход на витрину только «через директор магазина, через таваравет».

Китай – подсобка витринного производства Запада. О безопасности здесь пока речь не идет. Безопасный труд в открытом рынке слишком дорог, и как товар – неконкурентоспособен.

Россия пока – ни там, ни там (живем подкожным жиром СССР). Чужой пример брать, собственно, и не с кого (с США – глупо, с Китая – опасно). Лучше беречь и приумножать свои знания и опыт безопасного производства. И они у нас есть – достаточно взглянуть на какие-то полвека назад в собственную историю. Например, разработки технологий дегазации угольных пластов оформились еще в трудах МГИ – МГУ, начиная с 60-х гг. (авторы – Скопинский А.А., Ксенофонтова А.И. и Ножкин Н.В., позже с 90-х гг. – Сластунов С.В.) Сегодня эти технологии успешно защищены американскими патентами и продолжают развиваться на Западе.

Вопрос 3: в чем состоят экономические причины заметного увеличения доли крупномасштабных аварий?

Экономические причины тесно связаны с изменением целей хозяйственной деятельности для приспособляющихся к «рынку» больших технико-социальных систем (например, углепром), рожденных в «плане» (основные фонды промышленности РФ – «кирпичики безопасности» – родом из советского прошлого).

Если желаешь «рынка», сначала исследуй, как поведут себя большие технико-социальные системы, никогда в нем не бывавшие (да и не проектировались они для таких испытаний и опытов). Сейчас мы это исследуем опытным путем – опытом крупных аварий.

При резком переходе к «рынку» большие технико-социальные системы не успели полностью адаптироваться к внешним изменениям, и теперь впадают в системный кризис, когда страдают и элементы, и связи, но больше – связи (происходила попытка замены старых «солидарных» на новые «рыночные»). Об износе основных фондов (технических элементов) не говорит только ленивый. Не стоит забывать, что морально и физически изнашивались не только технические, но и социальные элементы этих систем (проблема деградации и нехватки кадров). Основные фонды – кирпичики безопасности – даже минимально не обслуживались (и не воспроизводились), и теперь истощены как минимум на 3,5 трлн. долл.

Информационные инструменты парирования роста социальных опасностей из-за аварий оказались дешевле поддержания (создания, обслуживания, воспроизводства) безопасной производственной деятельности с неизбежными затратами на пре-

дупреждение техноугроз (волна интереса СМИ быстро нарастает с фактом любой крупной аварии и быстро остывает до новой).

Реформаторы перестали активно разрушать технические элементы Роспромтехносферы: заместить «плановые» технико-социальные системы на «рыночные» не удалось.

Поизношенная Ростехносфера настойчиво отправляет Сигналы Опасности (Ульяновская-07, СШП-09, Распадская-10). Их нечем распознать, некому действовать. Почему?

Кадровый и технический, моральный и физический износ, внутрисоциальные противоречия и смена типа хозяйствования существенно сократили в промышленности безопасную область свободы физических, экономических и интеллектуальных маневров.

Пространство возможных тактических решений выхода из кризиса резко сжимается. Лелеется надежда на «тоннельный прорыв» модернизации (ранее – на инвестиции). Такой вариант не может быть основным. Вдруг произойдет осечка? Тогда мы перейдем не в постиндустриализм, а скатимся в безындустриализм. Тогда (о чудо!) сами собой решатся и проблемы крупных аварий – им просто негде будет происходить.

Проблемы промышленной безопасности выворачиваются наизнанку беспромышленной опасностью.

Перечислим основные угрозы деиндустриализации для обеспечения безопасности в больших технико-социальных системах (углепром, энергетика, транспорт и т.д.), на которых стоит и воспроизводится Россия как индустриальная культура:

Редукционное уменьшение техногенных опасностей и рост социальных. Как следствие – аритмичные всплески крупных аварий из-за «человеческого фактора».

В массовом сознании крупные аварии стали считаться естественными и фатальными. Наблюдается приоритет спасения над рутинной предупреждения. (Бюджеты Ростехнадзора и МЧС РФ различаются в 20 раз: 128,8 и 6,4 млрд. руб на 2010).

Сжатое производство теряет экономико на масштабе. У маленькой промышленности меньше и объем, и доля средств на безопасность. Эффективные капиталоемкие средства коллективной (пассивной) безопасности малодоступны.

Деградация остановленных производств (ржавый кинжал в ножнах). Возникают дополнительные опасности расконсервации и пуска.

Происходит забвение функции обслуживания технико-социальных систем. Как следствие – моральный и физический износ элементов, разрыв оригинальных солидарных связей, неудачи попыток заменить их новыми «финансово-экономическими» зависимостями.

Беспромышленная опасность: пресечение опасной изношенной производственной деятельности «рентабельной» обеспечения ее промышленной безопасности.

Безопасность всегда очерчивает смертельные границы возможной жизнедеятельности. Чернобыль-86 очертил ее сверху, а Саяны-09 – снизу. В 1986-ом получили черную метку аварии за то, что переоценили багаж своих знаний и возможностей, а в 2009-ом – за то, что опыт и знания растеряли до предельной красной черты (более частные и, увы, тоже «нижние» границы: Распадская-10 – под землей, Курск-00 – под водой, Хромая Лошадь-09 – в дискотеке).

Вопрос 4: какова оценка эффективности заявленных после взрыва на Распадской мер – закон о дегазации, расширение полномочий надзорных органов, создание спец. прокуратуры на Кузбассе и т.д.?

Встряска никогда не помешает, особенно в обеспечении безопасности. А об эффективности можно судить, лишь зная затраты и ожидаемые результаты. Об этом ничего неизвестно, потому и обсуждать пока нечего.

Одно видно, что идет усиление и перераспределение государственных полномочий. Это неплохо, т.к. нигде производство изнутри не может обеспечить полностью свою безопасность – всегда требуются внешние государственные скрепы.

У нас другая проблема – где взять кадры, которые адекватно исполнят сложнейшую задачу обеспечения промышленной безопасности в государственном управлении? Задача стала сложнейшей лишь в последнее время – знания о безопасном устройстве роспромтехносферы утрачиваются и не передаются, а новый опыт аварий в научном плане не исследуется (единственный отраслевой НИИ по промышленной безопасности при Ростехнадзоре был продан на рынке в 2008 году). Что делать – придется искать на ощупь, поскользываясь в «темноте невежества» на крови крупных промышленных аварий.

Гражданкин А.И.

канд. техн. наук, зав. отделом количественной

оценки риска

Научно-технический центр исследований проблем

промышленной безопасности (ЗАО НТЦ ПБ)

riskprom.ru

Надежда Никитская

Замещающая миграция

Тема мигрантов в наших СМИ звучит достаточно часто. Новости, аналитические, развлекательные программы и даже фильмы о «гостях из Средней Азии» — все это уже привычно и слух не режет. Но того, какая роль отводится этим «гостям» в жизни страны, во всеуслышание пока не объявляют.

Многие ли знают о том, что 9 октября 2007 г. Указом Президента была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., на основе которой разрабатывается программа действий нашего руководства по выводу страны из демографического кризиса и преодолению его последствий для экономики страны? И «гости» уже не только из Средней Азии, бывших советских республик, но и из Китая, Турции занимают здесь не последнее место.

Согласно Концепции, «...В целях замещения естественной убыли населения в результате возможного сокращения уровня рождаемости предстоит активизировать работу по привлечению на постоянное место жительства в Российскую Федерацию иммигрантов трудоспособного возраста. ... К 2025 году предполагается ... обеспечить постепенное увеличение численности населения (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн. человек».

Таким образом, в Концепцию демографической политики России включен западноевропейский сценарий замещающей миграции. Что он собой представляет?

Все началось с того, что в период восстановления хозяйства после второй мировой войны отдельные страны столкнулись с нехваткой рабочих рук. В Германию, например, рекрутировались выходцы из Италии, Испании, Греции, Турции, Марокко, Португалии, Туниса и Югославии с 1955 по 1968 г. в рамках двусторонних межгосударственных соглашений по привлечению иностранных рабочих. Но со временем сформировалась упомянутая концепция замещающей миграции, которая предполагает уже не просто приглашать иностранцев для работы по контракту, но и ставить на место коренных жителей мигрантов, тем самым меняя облик страны. Во многом это связано с идеей о том, что можно конструировать народы, отбирая тех, кто нужен в конкретный момент.

Сейчас речь идет о создании благоприятных условий для иммиграции иностранцев в рабочем возрасте, которые способны замещать людей, не рожденных в богатых западноевропейских странах из-за снижения рождаемости, и таким образом поддерживать приемлемое соотношение трудоспособных и пожилых. Как говорится, «мигранты заполняют собой пустоты, остающиеся вследствие оскудения человеческих ресурсов принимающей страны».

Сам процесс регулируется с помощью социально-политических инструментов, в результате почти сразу меняется возрастная структура и численность населения. Сейчас Западу выгодно привлекать менее взыскательных мигрантов для работы в сфере обслуживания, в дальнейшем критерии отбора могут быть пересмотрены в зависимости от того, что будет требоваться на рынке.

Все это контролируется достаточно жестко. Несмотря на все про-

блемы и трудности, Запад после краха СССР остается цивилизацией, которая задает доминирующий проект будущего, его ТНК и финансовая система стали частью практически всех национальных экономик. В этих условиях массы иммигрантов в главном лояльны цивилизационным нормам Запада и не собираются изменять его изнутри. Если же вдруг кто-то такую лояльность не проявит, так Запад обладает достаточной силой, чтобы подчинить эти общности своим правовым и культурным нормам и заставить их выполнять явные и неявные договоренности.

В полной же мере опробовать возможности конструирования народов предлагается нам. А поскольку от открытого обсуждения проблемы руководство уклоняется, то приходится потихоньку забрасывать в СМИ некоторые аргументы «за».

Например, пугают цифрами соотношения количества людей трудоспособного возраста и пожилых: мол, скоро некому будет кормить стариков. Это часто подкрепляется картинкой с массой людей старше 40 лет. Но всегда ли пенсия зависит от числа работающих? В СССР, например, не молодые кормили стариков, а государство возвращало им деньги, которые старики кредитовали государству в свой трудовой стаж. Пенсии формировались из госбюджета отдельной статьей, а ведь в госбюджет стекаются доходы от всего национального богатства, в том числе накопленного за миллионы лет. В современной России на пенсии собирают через Пенсионный фонд, куда идут действительно лишь отчисления от зарплаты ныне работающих. А доходы с народного хозяйства и отчисления с зарплаты — разные вещи. Замену доходов налогами приняли сейчас как единственно верное решение, но это ошибка. Кроме того, большого избытка неработающих стариков у нас и не будет: рано умирают и работают до смерти (а то и после).

Другой аргумент обычно иллюстрируется видеорядом с заброшенными полями и разрушенными заводами. Работать некому! Не обращая внимания на явную безработицу 7 млн. человек и латентную безработицу 70% сельского населения, нам повествуют о том, что только мигранты-труженики вытащат Россию из того бедственного положения, в котором она оказалась с начала 90-х гг. Но о причинах такого положения умалчивают. Почему произошел демографический срыв 90-х годов, почему резко сократилась дееспособность населения России, произошел катастрофический отток людей из северных и восточных регионов? Почему впали в глубокую депрессию центральные области? Все это произошло вследствие ряда фундаментальных ошибок, заложенных в доктрину реформ (о побочных обстоятельствах типа политического и коррупционного интереса не говорим). И если это так, то заброшенные поля и разрушенные заводы — следствие вовсе не отсутствия рабочих рук. Так почему же привлечение мигрантов должно помочь? Естественно, что подобная мера в нынешнем положении болезней России не только не излечит, но и резко усугубит. Это все равно, что давать больному вместо лекарства морфия.

Тут, кстати, можно задаться вопросом: какие же специалисты нам нужны для восстановления и даль-

нейшего развития хозяйства? Если руководство заявляет о необходимости перехода на инновационный путь развития, тогда это должны быть рабочие на современных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, ИТР, ученые. Но кто приезжает сейчас? В большинстве это люди без образования и без профессии. И работают они, как правило, в городах в сфере обслуживания и торговли. На современном Западе это вполне уместно, там и большой процент местных жителей работает в этих сферах, поскольку массовое промышленное производство выведено в страны третьего мира. Но мы-то куда его должны выводить? Все неокolonии уже поделены. И кто же будет производить для нас ракеты и выращивать картошку? Мигранты? Сомнительно, ведь для подавляющего большинства из них Россия никогда не станет Родиной, а будет рассматриваться ими как источник быстрого улучшения материального положения, выступая в роли раскрытой сокровищницы с невнимательным хозяином. В этой ситуации любая общность иммигрантов окажется перед соблазном хищнически воспользоваться слабостью такого хозяина и пограбить его достойно.

Тем не менее, предполагается и дальше продолжать приглашать «гостей», уже более организовано и в больших масштабах, создавая «чайна-тауны», «немецкие слободы» и т.п.

Но почему же в расчет не берутся собственные кадровые резервы? На этот счет ответ уже подготовлен. Слишком дорого обходится наши специалисты — говорят нам с экрана в рамках сюжета о строительных рабочих из бывших республик, — а вот мигранты готовы работать за гораздо меньшие деньги. Но в чем причина этого? Допустим, рабочие из Средней Азии действительно работают у нас за деньги, которые нам кажутся маленькими. Но для их родины они не маленькие! Семьям этих рабочих хватает, сказывается разница в стоимости жизни. Если же семья переедет в Россию, то эти же люди уже не согласятся на такие зарплаты, на которые согласны сейчас. Это, кстати, одна из причин выстулений мигрантов во Франции: дети уже не идут на ту зарплату и те условия труда, на которые шли их родители. Но такая возможность почему-то игнорируется при составлении прогнозов.

А что там по поводу «немецкой слободы»? Вряд ли образованные западные специалисты будут работать задешево. Так в чем тут экономия? А если расходы на их содержание сравнить с необходимыми сейчас расходами на поддержку рождаемости в России, плюс на подготовку квалифицированных кадров, плюс на мероприятия по оздоровлению людей, и т.д. и т.п.? Ну зачем такие долгосрочные проекты, если можно пригласить практически уже «готовых» работников, и таких, каких надо, а не какие получатся, и еще, к тому же, дешевле обойдется?

Трудовые ресурсы у нас есть, люди могут и готовы работать. Для этого, правда, нужна внятная государственная политика в области восстановления и развития хозяйства, подготовки кадров и т.д.

Но вместо этого Правительство открывает проект реформирования «нас, многонационального народа Российской Федерации», который, как сказано в Конститу-

ции РФ, является «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации», и делает это не только без согласия этого «единственного источника власти», но и практически тайно, забрасывая лишь скудную информацию типа «вокруг да около» в СМИ. Из текста самой Концепции были вычищены всякие пояснения, а сам термин, определяющий смысл изменения, упоминается в тексте только один раз и вскользь — так, чтобы на него не обратили внимания.

Для подготовки людей к принятию идеи проводятся еще различные дискуссионные передачи, где обычно вопрос рассматривается таким образом: одна сторона заявляет, что надо повысить рождаемость русских (в падении которой оказываются виноватыми, как правило, большевики и потребительское общество), другая — что следует ввозить «иностранный рабочий силу» (как в «процветающей» Европе). Что интересно, как единственная (единственная ли на самом деле?) альтернатива массового ввоза мигрантов предлагается фантазийный вариант «ультраретро»: фактически вернуться всем в сельскую крестьянско-помещичью Россию с ее ценностями и порядками (что нереально). Старый прием: поставить человека в ситуацию выбора без выбора. В результате получается очень удобно: один выступит против наводнения страны переселенцами, так у него спросят: а ты, значит, за возвращение в «феодализм»? Другой скажет, что не видит возможности вернуться назад, так ему объявят: неоткуда взять людей, надо приглашать иностранную рабочую силу! Вот так и ведутся дискуссии на действительно сложные и важные темы в СМИ.

И совсем не слышно о том, что предлагаемые потоки «замещающей» миграции — это скачок в неизвестное России мультикультурное иммиграционное общество. В нашей истории такого не было никогда. Напротив, русская культура распространялась на присоединяемых территориях. Сейчас же нам предлагают нечто прямо противоположное. Что может получиться (и скорее всего и получится, если на эти меры все же решатся) в результате? Массовая иммиграция с целью «замещения» исчезающих русских заменит привычную этническую чересполосицу России «анклавным» типом расселения инокультурных этносов, и это еще более ослабит единство страны.

Да и будет ли этой той страной, которую мы знаем? Будет ли это образование (или ряд мелких образований) вообще называться Россией и сохранит ли хоть что-то из русской культуры? Или по прошествии нескольких десятиков лет Россия станет такой же историей, как Римская Империя? Большинство населения планеты будет знать о ней лишь то, что когда-то она была.

Дмитрий ЛЫСКОВ

Зарождение марксизма в России

Пресса откликнулась на выход работы, рецензии появились в газетах «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости» и т.д. Текст, опубликованный в «Новом времени», подчеркивал значение «Капитала» не только для занимающихся экономической теорией людей, но и для всякого образованного русского человека.

Начиналась эпоха марксизма в царской России. Масштаб ее трудно недооценить. Интерес к работам немецкого философа охватил образованное общество – от правых до левых, от религиозных кругов до светских.

Доктор философских наук, историк философии В. Ф. Пустарнаков приводит ряд интереснейших фактов. Так, журнал «Православное обозрение» характеризовал Маркса как самого известного ученого – представителя социализма в Германии, а его «Капитал» – как замечательное, но сугубо научное сочинение, переполненное абстракциями, похожими на математический трактат, весьма утомительный в чтении.

Князь А. И. Васильчиков, «консервативный романтик славянофильской разновидности», во всеуслышанье заявлял: «Исходные мои положения заимствованы прямо из заявлений так называемых социальных демократов».

Наконец, о марксизме иногда желали узнать на самом верху. Например, министр финансов С. Ю. Витте излагал в курсе лекций, которые читал великому князю Михаилу Александровичу, исследования Карла Маркса.

Если «диалектике мы учились не по Гегелю», то точно так же либерализму Россия учились не по Миллю, а по Марксу. «Зарождающийся русский либерализм в лице Анненкова и Боткина идет на идейные контакты с Марксом, несмотря на то, что позиция последнего достаточно определилась как очень далекая от либерализма». «Влияние идей Маркса на Анненкова и Боткина – это первые страницы истории становящегося российского либерализма, на последних страницах которого в конце XIX в. окажется «легалый марксизм».

О том же, с несколько другой точки зрения, пишет британский советолог Эдвард Карр: «Быстрое распространение марксизма среди русских интеллигентов того вре-

мени было обусловлено интенсивным развитием русской промышленности и отсутствием буржуазной традиции или буржуазной политической философии, которые в России могли бы играть роль западного либерализма».

В России до отмены Крепостного права просто не возникало необходимости в развитой экономической теории. В России конца XIX века, с приходом капиталистических отношений и развитием крупной промышленности, возникла острая потребность в инструментах для анализа происходящих процессов. Одним из основных таких инструментов стал марксизм.

Свою роль отводило ему и царское правительство. Видя в работах Маркса строгую социально-экономическую теорию, оно противопоставляло марксизм идеализму народников (и небезуспешно), представляя учение Маркса поступательным эволюционным процессом, исключая острое революционное. Именно этим во многом объяснялась удивительная лояльность царской цензуры, которая, по сути, на многие годы опередила «ересь экономизма» в РСДРП. Хотя, возможно, сама эта ересь вытекала из ранних «официальных» установок в отношении марксизма.

По крайней мере, развитию так называемого «легалого марксизма» в Российской империи не чинилось особых препятствий. Другое дело, что такая постановка вопроса была для царских чиновников ошибочна – секулярная чистота теории, ее голый экономический детерминизм, лишенный традиционных для того времени запутанных апелляций к божественному или мифологическому, послужил причиной «просветления» для многих мыслителей 60-80 годов XIX века. Что, естественно, сказалось и на уважительном отношении к самой теории.

Вряд ли современные общественные деятели, призывающие осудить и запретить марксизм как «человеконенавистническую идеологию», понимают, о чем говорят. Слишком обширен его вклад в российскую политическую культуру, слишком обширны страницы нашей истории, придется вырезать. Яркий пример: «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии» (РСДРП), партии, из которой вышли большевики Ленина и меньшевики Мартова, написал «легалый

марксист» П. Б. Струве. Во время революции 1917 года он был одним из идеологов либеральной кадетской партии, а в армии Деникина и Врангеля входил в «правительства» и составлял законы для территорий, занятых Добровольческой армией.

Другими известными «легальными марксистами» были будущие православные философы С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев.

Один из лидеров кадетов Милюков совершил эволюцию от народников через социал-демократов до лидера либеральной буржуазной партии.

С «легалым марксизмом» так и не смогли до конца порвать меньшевики. На их засилье после Октября уже в большевистской партии жаловался Троцкий: «Впоследствии двери перед меньшевиками и эсерами были широко открыты, и бывшие соглашатели стали одной из опор сталинского партийного режима».

Народник Плеханов, не сойдясь с будущими эсерами во взглядах на индивидуальный террор, стал убежденным марксистом, по сути – отцом-основателем и первым идеологом РСДРП. Долгие годы он посылал непримиримой критике народников с точки зрения марксизма. Отголоски этой борьбы слышны в работе Ленина «Друзья народа и как они сражаются против социал-демократии».

Но хотя социал-демократы и обрушивались с резкой критикой на тех же эсеров, явное влияние марксизма прослеживается и в программе этой партии. К примеру, вот как в ней трансформировалось представление о Мировой революции:

«Во всех передовых странах цивилизованного мира, параллельно с ростом населения и его потребностей, идет рост власти человека над природой, усовершенствование способов управления ее естественными силами и увеличение творческой силы человеческого труда во всех областях его приложения...»

Но этот рост... происходит в современном обществе при условиях буржуазной конкуренции разрозненных хозяйственных единиц, частной собственности на средства производства, превращения их в капитал, предельной экспроприации непосредственных производителей или косвенного подчинения их капиталу. По мере развития этих

основ современного общества, оно все резче распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю создаваемых их трудом благ, и классы эксплуататоров, монополизирующих владение естественными силами природы и общественными средствами производства...

Классы эксплуатируемых естественно стремятся защищаться от тяготеющего над ними гнета и, по мере роста своей сознательности, все более объединяют эту борьбу и направляют ее против самых основ буржуазной эксплуатации. Международное по своему существу, движение это все более и более определяется как движение огромного большинства в интересах огромного большинства – и в этом залог его победы.

Сознательным выражением, научным освещением и обобщением этого движения является международный революционный социализм...

Партия социалистов-революционеров в России рассматривает свое дело как органическую составную часть всемирной борьбы труда против эксплуатации человеческой личности».

Совершенно марксистская фразаология. А ведь это эсеры – крестьянская партия, наследники народников!

Марксизм настолько впитался в политическую жизнь России на рубеже XIX – XX веков, что вычленив его, представить обособленным деструктивным течением вряд ли возможно. В той или иной мере марксистами были все основные политические силы. Дальнейшее дробление шло уже по пути трактовок марксизма, принятия или непринятия его революционной составляющей и т.д.

Для нас сегодня крайне важно разобратся в перипетиях этих теоретических дискуссий, а затем и прямых вооруженных столкновений. Тем более что свои аналоги они имеют и в современности.

Продолжение следует...

Глава из книги
Дмитрия Лыскова
«Три революции»
Книгу в сети можно прочитать
на странице автора
users.livejournal.com/_lord_

«Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации»

Новая книга Сергея Кара-Мурзы

От издателя

В новом тысячелетии, когда средства массовой информации превратились в оружие массового поражения, главным полем боя становятся умы и сердца, а главной мишенью врагов России – сами основы нашей цивилизации. Вслед за экономической и военной мощью нас хотят лишить еще и корней, самобытности, самоу-

важения, собственного уклада жизни – всего того, что делает нас особым народом. Отдавая себе отчет, что Россию невозможно завоевать извне, грубой силой, Запад сделал ставку на культурную и идеологическую экспансию, исподволь разрушая наши фундаментальные ценности и связи между людьми, подтачивая несущие конструкции русского общества. Именно так был разру-

шен Советский Союз. Теперь те же грязные методы применяются и против России.

Как противостоять этим системным угрозам? Как защитить матрицу нашей цивилизации? Как спасти свою страну и свое будущее? Новая книга ведущего историка и публициста патриотических сил подскажет ответы на все эти вопросы.

Издательство: Яуза-Пресс, 2010 г.

Спрашивайте в книжных магазинах вашего города.

СССР против РФ или «опять про колбасу»

Впрочем, некоторые либералы могут заявить, что причина дефицита именно в том, что почти вся туалетная бумага впахивалась в колбасу. Но этим уже никого не удивишь — и не такое слышали.

Что же находилось внутри такой колбасы? Вот нормативный документ: «Колбаса «Докторская», рецептурный состав согласно ГОСТ 23670-79, несоленое сырье, кг (на 100 кг): говядина жилованная высшего сорта — 25; свинина жилованная полужирная — 70; яйца куриные или меланж — 3; молоко коровье сухое цельное или обезжиренное — 2». Ну и еще соль поваренная пищевая, нитрит натрия (7 грамм на 100 кг); сахар, орех мускатный или кардамон.

В 1972 году была сильная засуха (в июле дождей выпало всего 20% от нормы, а в августе — только 10%; температура в августе превысила нормальную на шесть градусов), и из-за недостатка кормов пришлось пустить под нож сотни тысяч голов крупного рогатого скота. В ГОСТы по производству колбас ввели незначительные послабления. В частности, в мясной фарш разрешалось добавлять до двух процентов крахмала, муки или заменителя белка животного происхождения (молоко или кровь).

Всего два процента, не более. А нормы ГОСТа выдерживались достаточно строго: при централизованном контроле подкупить проверяющих было куда сложнее. Конечно, на мелкие недостатки глаза закрыть могут, но кто хочет вылететь с работы с «волчьим билетом», а то и вообще отправиться под суд?

Более того, существуют нюансы, о

которых сейчас мало кто задумывается. Мясо нельзя замораживать более одного раза в принципе, иначе с каждой последующей заморозкой оно теряет вкусовые качества (да и пищевые — тоже). Кто не верит — проведите эксперимент в холодильнике на кухне. Так вот, при социализме колбасу делали из парного или охлажденного мяса.

Вы сейчас видите караваны скотовозов, направляющихся на мясокомбинаты? В советские времена при комбинате существовали собственные бойни и разделочные цеха. Мой отец всю жизнь проработал на мясокомбинате — я знаю, о чем говорю.

Парное мясо надо перерабатывать немедленно — уже через сутки оно может легко и непринужденно протухнуть. А красивые замороженные брикетки и хранятся долго, и не портятся. Как вы думаете, что использовать полезнее для народа, а что — рыночнее?

В СССР заботились о том, чтобы накормить народ качественно (разумеется, в идеале; никто не утверждает, что все было гладко и без накладок), а сейчас единственным критерием является прибыль. Колбаса — нагляднейший пример того, какое влияние оказывает капитализм на товары. Когда в советское время обыватель мечтал о том, что в магазине всегда будет сто сортов колбасы, то он — что характерно — не думал о том, что из этих сортов не останется ни одного, сделанного из мяса без соли и прочих пищевых добавок, условно съедобных.

Советская колбаса заветривалась и усыхала на прилавках, если там задерживалась, как и положено натуральному продукту. Современные

колбасные изделия лежат долго, как живые, но покрываются какой-то слизью...

Так вот — в России с 15 февраля 2010 года вступило в силу постановление об отмене обязательной сертификации продуктов питания (и косметики, кстати, тоже). Эти товары не будут впредь подвергаться обязательной проверке государства. Продавцы смогут продавать свой товар, лишь заполнив декларацию о подтверждении соответствия продукта заявленным ими же самими качествам.

В список товаров, «брошенных на произвол судьбы», попали: питьевая вода, сахар, соль, мука, хлебобулочные и кондитерские изделия, овощные и рыбные консервы, мясо и рыба, полуфабрикаты, замороженные овощи, колбасы, алкоголь, пищевые концентраты.

Чем обосновывается такой интересный ход со стороны государства?

Одним из основных поводов для отмены старой системы стало большое число фиктивных контор, которые работали с несуществующими лабораториями. Новые правила убирают излишнюю бюрократию и позволяют предпринимателям снизить расходы. Да-да, теперь нет нужды создавать фиктивные конторы! Можно официально продавать что угодно вместо еды.

Видел лично консервы «Тушенка с говядиной». Не «говяжья», а «с говядиной!» Но тут хоть честно написано, а сколько еще тушенки «с», где написано «из»?

Отмененная сертификация была введена в середине 1990-х годов для упорядочения потока импорта, хлынувшего на российский рынок при отказе от государственного регулирования цен. Инициаторы изменений в законодательстве заявляют, что большинство сертификатов сейчас все равно фальшивые, и их отмена облегчит жизнь производителям товаров, которые больше не будут обязаны «отстегивать» чиновникам.

Во-первых, фальшивыми являются большинство сертификатов, но не все же? Во-вторых, из «не надо будет платить чиновникам» у радеющих за изменения почему-то следует вывод «товары станут дешевле». Чем это обосновывается? Да ничем. Более того — полностью отрицается практикой.

Суть не только в том, получают свою пачку денежек чиновники или же она останется у бизнесмена. Суть в том, что пусть даже формальная сертификация хоть как-то, но ограничивает произвол в плане «что там внутри». А сейчас все просто: «Хороший колбас, мамой клянусь!» — и всё.

рекламный трюк одного из производителей

Интересная такая «логика»: если что плоховато работает, то надо не навести порядок, а вообще отменить. Не раз сталкивался с таким подходом: армия — плоха, МВД — оборотни в погонах, врачи — убийцы, психиатры — каратели и так далее. Всех разогнать! А кто будет хоть как-то защищать страну, обуздывать преступность, лечить людей? Анархия, между прочим, еще никого ни к чему хорошему не приводила.

Некоторые заявляют, что отменена была именно обязательная сертификация, а не контроль качества, так что продавец все равно должен следить за качеством товара. Это, знаете ли, даже не «три раза ха-ха», а «много раз гы-гы-гы».

В Евросоюзе, к примеру, бизнесмены работают с добровольной сертификацией товаров, но наказание для недобросовестных предпринимателей очень строгое — вплоть до закрытия магазина и запрета работать в соответствующей сфере бизнеса. В России же функция проверки сейчас возложена на Роспотребнадзор, однако законодательная база настолько своеобразна, что позволяет полностью избавиться от некачественного товара до того момента, как придут проверять его наличие.

Плановые проверки по закону проводятся раз в три года, а внеплановые надо не только согласовывать с прокуратурой, но и заранее предупредить о них проверяемого торговца. Эффективность понятна? Размер же штрафов, даже если обнаружено нарушение, просто смешной — несколько тысяч рублей.

Так зачем же вместо введения драконовских законов в области сертификации, использования летучих бригад ОМОНа по проверке качества продукции и так далее — отменили сертификацию?

Все просто. Раньше мы покупали некачественные продукты с незаконно приобретенными сертификатами. А теперь, получается, нас можно травить совершенно законными методами...

vospit.livejournal.com

Редакция осуществляет прямую редакторскую подписку на газету без посредников. Это позволяет начать подписку с любого номера газеты и получать текущий номер сразу после осуществления платежа за подписку, а также иметь двустороннюю связь с редакцией.

Для оформления полугодовой подписки на газету (12 номеров), нужно перечислить 200 рублей (для жителей Кировской области - 120 рублей) из любого отделения банка или почтовым переводом на счёт ООО «Точка Ру» ИНН/КПП 4345147509/434501001 р/с 40702810100130009232 в ОАО КБ <Хлынов> г. Киров к/с 30101810100000000711 БИК 043304711ОКПО 93248626. В графе «назначение платежа» нужно указать: <Подписка на газету «Точка Ру»>, а также точный адрес получателя. Также можно скачать квитанцию со всеми заполненными реквизитами на сайте редакции orossii.ru.

Мы готовы к сотрудничеству с организациями и частными лицами в вопросах распространения газеты в любом регионе Российской Федерации. По всем вопросам, связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской на газету, звоните по тел. редакции в Москве 8 926 559 5379, в Санкт-Петербурге 8 906 277 2338, в Кирове 8 922 903 3776.

Газета «Точка Ру»
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

людием законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 7 (43) Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 31.05.2010 в 08.00 по факту 31.05.2010 в 08.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru